

Народ и война

О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков*

«Наше дело правое...»

18 июня 1945 г. дивизионный генерал О. Гийом был вызван к главе Временного правительства Франции де Голлю. Отличившись в годы минувшей войны, энергичный и честолюбивый Гийом мечтал о крупной военной карьере. Решение главы правительства его обескуражило. Гийому предлагалось выехать в Москву и занять должность военного атташе. Военно-дипломатическая служба пользовалась уважением во французской армии, но все же должность военного атташе, даже в такой стране, как СССР, не открывала, как он считал, доступ к высшим эшелонам военной власти. Де Голль отклонил возражения Гийома и дал понять, что намерен поручить ему особо ответственное задание. «Вы должны нам рассказать, — пояснил де Голль, — как сражались русские и почему они победили. Не путайте эти две проблемы: первая касается стратегии и тактики, вторая проблема гораздо шире».

Напомним, что после нападения фашистской Германии и её союзников на СССР и трагических событий лета 1941 г. многие политические и военные деятели Запада не верили в способность Советского Союза выстоять и победить в борьбе с фашистской армией. 23 июня 1941 г. С. Криппс заявил, что «русские не смогут противопоставить немцам организованное сопротивление более чем в течение нескольких недель». К мнению Криппса в Лондоне прислушивались, он был английским послом в Москве.

Эксперты военного министерства Великобритании также весьма пессимистически оценивали возможности советского противодействия немецко-фашистской агрессии. У. Черчилль писал после войны, что «почти все ответственные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и окажутся в основном уничтожены». Военный министр США Г. Стимсон писал, что, «по оценке офицеров службы разведки военного министерства,

кампания могла продлиться лишь от одного до трех месяцев». Когда Ф. Рузвельт в июле 1941 г. направил в Москву своего личного представителя Г. Гопкинса, он поручил ему выяснить, как долго продержится Россия.

Некоторые западные историки, анализируя фактический материал, свидетельствующий об экономических, политических и военно-стратегических преимуществах Советского Союза перед нацистской Германией, отмечают достоинства плановой системы хозяйства СССР, прочность многонационального советского государства, героизм советских людей, высоко оценивают вклад СССР в общую победу. М. Хастингс в книге «Оверлорд», посвященной высадке в Нормандии, пишет: «Послевоенное поколение воспитано на легенде, будто триумфальная кампания западных союзников в Европе в 1944–1945 гг. вообще не имеет отношения к жестокой, но малоизвестной борьбе на Востоке. Сегодня нам следует признать, что русские внесли решающий вклад в войну на Западе, уничтожив главные силы германской армии до того, как первый солдат союзников вступил на берег Нормандии 6 июня 1944 года. Успех битвы в Нормандии был достигнут именно на этой основе».

Победа или поражение в войне — итог многих составляющих, среди которых важнейшее место занимает моральный фактор. Что защищали советские люди? Ответ на этот вопрос во многом объясняет поведение людей на фронте и в тылу, стимулы их общественного сознания того времени и личное отношение к войне. Советский народ прежде всего встал на защиту своего государства, своей Родины. Миллионы павших и живых вкладывали в это понятие все лучшее, связанное с жизнью страны, своей семьи и детей, с новым справедливым обществом, которое, они верили, будет построено. Они знали, что ведут войну за правое дело и в большинстве своем не сомневались в конечной победе. Точно найденные слова

* Статья подготовлена на основе главы из книги: Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005

в первом заявлении Советского правительства в связи с началом войны, обращении к народу 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» — были ясны и понятны. Они отражали главную тенденцию в настроениях общества, способствовали осознанию всеми и каждым целей войны, уверенности в разгроме ненавистного врага.

Государственный патриотизм, гордость за страну, сопричастность её успехам и неудачам — важная особенность общественных настроений и личностных поступков того времени. Достижения советской власти в экономике, социальной области за период от Октябрьской революции до 1941 г. были очевидны и восприняты гражданами страны. Они получили право на труд и гарантированный отдых, на бесплатное образование и медицинскую помощь, улучшение жилищных условий, доступ к науке и культуре, уверенность в завтрашнем дне и многое другое. Идея социализма получила поддержку подавляющего большинства населения. Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни объяснялся без особого труда: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов в 1919–1922 гг., преобразовал страну, создал современную индустрию. Угроза войны требовала постоянных мер по укреплению обороноспособности, неимоверных усилий и затрат, направленных на построение и защиту социализма, общества социальной справедливости.

Существовавший строй объединил интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав СССР, различные и неравноценные, они воспринимались как преимущество системы. Важным слагаемым характерного для того времени «чувства семьи единой» была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Перед войной Российская Федерация (РСФСР) с населением 110 млн. человек занимала $\frac{2}{3}$ территории СССР, где проживало свыше 100 народов и народностей. За годы советской власти многие народы России, ранее значительно отстававшие от русских по уровню экономического развития и образования, сократили этот разрыв. Так, Башкирия до революции не имела ни одного высшего учебного заведения. В 1939 г. было уже 4 вуза, 60 техникумов, 4 рабфака. В Татарии до революции был только один Казанский университет, в 1938 — 54 вуза и 23 тыс. студентов. Если в царской России в 1914 г. действовало 72 вуза с 86 тыс. студентов, то в 1941 г. — 481 вуз с 478 тыс. студентов. Количество газет на всех языках возросло с 35 до 437.

Начиная войну, руководство Германии исходило из того, что советское многонациональное государство не выдержит испытаний и распадется на враждующие национальные группировки. Однако этот расчет не оправдался. Нации и народности СССР самоотверженно защищали свою страну. Угроза нацистского порабощения страны подняла на борьбу

с захватчиками большинство населения страны независимо от классовой, национальной принадлежности, вероисповедания и возраста. В мае 1942 г. в числе 5500 тыс. человек на фронтах действующей армии воевали около 1,2 млн. нерусской национальности. Среди Героев Советского Союза — представители большинства наций и народностей СССР, в т. ч. русских 8160 человек, украинцев 2069, белорусов 309, татар 161, евреев 108, казахов 96, грузин 90, армян 90, узбеков 69, мордвинцев 61, чувашей 44, азербайджанцев 43, башкир 39, осетин 32, марийцев 18, туркмен 18, литовцев 18, таджиков 14, лагьшей 13, киргизов 12, удмуртов 10, карел 9, эстонцев 8, калмыков 8, кабардинцев 7, адыгейцев 6, абхазцев 5, якутов 3, молдаван 2. Из них 87 женщин. Но длительное время замалчивалось, что около 1 млн. советских граждан различной национальности в той или иной форме сотрудничали с противником.

Со времени нападения Германии на СССР положение в советском обществе качественно изменилось. Обстановка требовала и формировала бесстрашие, умение подчиняться и своевременно выполнять приказы, самостоятельность и ответственность. Более глубоким содержанием наполнялись такие устоявшиеся нормы поведения и чувства, как взаимовыручка и коллективизм, сострадание к соотечественникам и любовь к Родине, народная гордость и ненависть к захватчикам. Эти качества проявились в героизме и мужестве, бескорыстии и самопожертвовании на фронте и в тылу. В центре системы находился Сталин. Государственный и полководец он был её единовластным руководителем. С его именем связаны трагедия и победа в войне советского народа. Осознание справедливого характера войны и поддержка на этой основе своего правительства, вступление миллионов людей в ВКП(б) подтверждали, что народ связывал с именем Сталина, партии большевиков свою уверенность в разгроме агрессоров. Надо сказать, что масштабы необоснованных репрессий 1930-х гг., в том числе в армии и на флоте, в то время не были известны, а открытые процессы, на которых подсудимые публично признавались в чудовищных преступлениях против государства, казалось, не оставляли сомнений в их виновности.

Важным фактором, который советские люди считали привилегией своего государства и личным достоянием, была гордость за Красную Армию — «сильнейшую и непобедимую». Военная служба, согласно Конституции 1936 г. являлась «почетной обязанностью каждого гражданина СССР» и была таковой в реальной жизни. Ещё до «большой войны» участники боев в Испании, у оз. Хасан, на р. Халхин-Гол, финской кампании пользовались всеобщим уважением общества, особенно молодого поколения, а награжденные, к примеру, медалью «За отвагу» становились едва ли не национальными героями. С началом Великой Отечественной войны это особое отношение к вооруженным силам явилось основой

сплоченности армии и народа, их единства в достижении общей цели разгрома захватчиков, освобождения родной земли, а затем и других стран из-под ига оккупантов.

Первой демонстрацией этого единства явилось народное ополчение — одна из наиболее массовых форм добровольного участия советских граждан в вооруженной борьбе с захватчиками, известного на Руси со времен Минина и Пожарского. Только за первые три дня войны в Москве поступило 70 тыс. заявлений с просьбой отправить на фронт. В Ленинграде к началу июля 1941 г. в действующую армию было направлено 45,2 тыс. добровольцев, в Киеве подано свыше 52 тысяч заявлений. Летом и осенью 1941 г. было создано до 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков. Их численность составила около 2 млн человек. Г. Жуков пишет в своих воспоминаниях: «По инициативе москвичей уже в первые месяцы войны были сформированы 12 дивизий народного ополчения. В военные органы и партийные организации продолжали поступать тысячи заявлений от граждан с просьбой послать их на фронт. В добровольческие дивизии народного ополчения вступали специалисты самых различных мирных профессий... Но было нечто общее, чем они отличались, — высочайший патриотизм, непоколебимая стойкость и уверенность в победе. И разве это случайность, что из добровольческих формирований... после того, как они приобрели боевой опыт, сложились великолепные боевые соединения?».

С первых дней войны началась добровольная материальная и финансовая помощь Красной Армии со стороны населения. Инициаторами движения за создание Фонда обороны были рабочие московского завода «Красный пролетарий», которые выступили с призывом о ежемесячном отчислении в создаваемый фонд однодневного заработка. Одними из первых среди колхозников решили отчислить в Фонд обороны по 10 трудовней с каждого работающего члена колхоза «Ленинский путь» Оренбургской области. Правительство, которое крайне нуждалось в средствах для обороны страны, в свою очередь, приняло меры, чтобы это движение приняло массовый и организованный характер. Поступления в Фонд обороны принимали различные формы. Это была сдача облигаций государственных займов и вкладов в сберкассы, ценных вещей и драгоценностей, материальных поощрений и т. п. Широкое распространение получили комсомольско-молодежные воскресники, средства от которых направлялись в Фонд обороны. Денежные поступления в Фонд обороны в 1941–1943 гг. достигли 10 млрд. руб., не считая драгоценностей, облигаций, колхозных трудовней. Всего за годы войны за счет добровольных взносов, обязательных платежей жителей города и деревни, взятых у населения займов было получено до 20% бюджетных средств на военные нужды. Если принять во внимание, что значительная часть этих средств

поступала от малообеспеченных семей, то для каждой из них это было подвигом.

Когда с началом войны, опережая войска, отступавшие под напором противника, хлынули на восток миллионы беженцев, эвакуировались эшелонами тысячи предприятий с рабочими, инженерно-техническим персоналом и их семьями, то созданный 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации и власти на местах, естественно, не имели возможности справиться со всей массой возникших проблем, особенно бытового характера. И вновь заявило о себе «чувство семьи единой». Жителям из оккупированных противником областей (их называли «эвакуированные») во многом помогло обустроиться на новом месте население центральных и восточных районов страны. Сотни тысяч ленинградцев, вывезенных из блокадного города, были гостеприимно встречены в Вологодской, Ивановской, Горьковской, Ярославской и других областях России, в республиках Средней Азии, столицы которых, особенно Ташкент, стали на время войны городами с многонациональным, преимущественно русскоязычным населением.

В годы войны рождались и действовали различные формы помощи и поддержки населением Красной Армии. Как правило, они принимали широкие масштабы и оказывали существенную помощь властям и командованию в материальном обеспечении войск. Именно такое значение имел и сбор теплых вещей, в котором приняли участие миллионы граждан, преимущественно женщин. Многие они сами вязали и изготовляли. Только в Сибири за годы войны было собрано и отправлено на фронт более 5,6 млн. теплых вещей. По подсчетам историков, благодаря собранным за войну теплым вещам можно было одеть до 10 млн. бойцов, или почти всю действующую армию. Ещё об одной форме помощи следует сказать отдельно — о подарках. Первые подарки фронтовикам были собраны и посланы жителями многих городов и деревень уже в начале июля 1941 г. Они были бесхитростными, отражали жизнь и быт того времени. Это табак, кисет, кусок мыла, рукавицы, тем более ценные, что в их сборе и отправке принимали участие дети. Подарки вручали чаще всего к памятным датам или под Новый год. Между фронтовиками и отправителями подарков нередко завязывалась переписка. Эта форма моральной поддержки Красной Армии получила большое распространение. Во время войны только Вологодская область отправила на фронт 95 вагонов с подарками.

Изменилось отношение к истории страны. Были подняты на щит имена выдающихся деятелей царской России. Обращение к их заслугам имело многогранное значение. Оно повышало авторитет страны, её исторического наследия в глазах как рядовых граждан, так и интеллигенции, тех ценностей, которые они защищали на фронте и в тылу. Важным была и военная составная этого наследия. Армии в 1943 г. «возвратили» погоны. Имена полководцев

и флотоводцев России, награды, названные их именами, укрепляли веру в победу.

Осенью 1941 г., когда враг стоял у ворот Москвы, впервые был озвучен тезис об особой роли русского народа. 6 и 7 ноября в докладе на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции (оно проходило в тоннеле на станции метро «Маяковская») и в речи на параде, участники которого уходили с Красной площади на передовую линию фронта, Сталин говорил о великой русской нации, — «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова...». Напомнив о «мужественном образе наших великих предков», он назвал имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

В 1943 г. правительство изменило свое отношение к церкви. Это был наиболее сложный поворот во внутренней политике, основанной после Октября 1917 г. на атеизме. Конфликт государства с Русской православной церковью (РПЦ), которая была опорой самодержавия, возник, как и гражданская война, в результате противоборства революционных и контрреволюционных сил России. Большинство священнослужителей поддержало белое движение. Руководство православной церкви в лице патриарха Тихона (В. Белавин) и Поместного Собора предало советскую власть церковному проклятию (анафеме). В 1923 г. церковь отмежевалась от противостояния новому государству, но к тому времени преследования ее служителей только набирали силу. Они приняли наиболее широкие масштабы в годы сталинских репрессий (в 1932 г. была объявлена «пятилетка безбожия»). К концу 1939 г. из церковного руководства оставались на свободе единицы. Принимая во внимание, что, по данным переписи 1937 г., в СССР было более 40 миллионов верующих христиан, сближение государства с церковью имело принципиальное значение для мобилизации максимума сил на борьбу с захватчиками и престижа власти как внутри страны, так и за рубежом.

Первый шаг в этом направлении сделал митрополит Сергей (И. Страгородский), обратившийся 22 июня 1941 г. к верующим с посланием церкви по случаю начала войны, в котором благословил всех православных «на защиту священных границ нашей Родины». Перемены в отношении властей к РПЦ и церквям других конфессий проявились ещё летом 1941 г. Прекратились антирелигиозная пропаганда, выход в свет журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» и других. Важным направлением патриотического служения духовенства и верующих явилась материальная помощь государству и Красной Армии. Взносы РПЦ в Фонд обороны составили более 300 млн. руб. Примечательно, что средства жертвовались даже на оккупированной противником территории, хотя часть священнослужителей

сотрудничала с немцами. Так, священник Ф. Пузанов из Псковской области собрал среди верующих золота, серебра и церковной утвари на сумму около 500 тыс. руб. и передал их через партизан на Большую Землю.

Многие священнослужители принимали активное участие в боевых действиях. Среди них заместителем командира роты начал свой фронтовой путь С. Извеков, в дальнейшем — Патриарх Московский и всея Руси Пимен. В Красноярске в годы войны главным хирургом в эвакогоспитале работал епископ Лука (Л. Войно-Яснецкий). Позднее за научный труд ему была присуждена Сталинская премия, большую часть которой он пожертвовал на «помощь сиротам, жертвам фашистских извергов». Влияние религии особенно возрастало в наиболее тяжелой обстановке войны. Богослужения в блокадном Ленинграде проходили при переполненных храмах, и на некоторых из них присутствовало командование Ленинградского фронта во главе с маршалом Л. Говоровым. 16 клириков местной епархии во главе с митрополитом Алексием были награждены медалью «За оборону Ленинграда». В конце 1942 г. Сергей, к тому времени патриарший местоблюститель, призвал духовенство и верующих к сбору средств на строительство танковой колонны и обратился к Сталину с просьбой о государственном оформлении соответствующих денежных перечислений. Сталин дал согласие, и на средства, собранные церковью, были построены и переданы Красной Армии танковая колонна имени Дмитрия Донского и авиационная эскадрилья имени Александра Невского.

Церковь постепенно обретала государственную опору. 4 сентября 1943 г. состоялась встреча Сталина с Сергием, на которой обсуждались первостепенные нужды Московской патриархии и были приняты важные решения, среди них согласие правительства на избрание Патриарха Московского и всея Руси, пост который после кончины Тихона пустовал много лет. 18 сентября Собором епископов на этот пост был избран митрополит Сергей.

В период войны сформировалась новая церковная политика советской власти. Её главными чертами являлись относительная веротерпимость и контроль за религиозной деятельностью со стороны государства. Эта политика включала силы церкви в борьбу с врагом и способствовала более широкой поддержке СССР в зарубежных странах, значение которой было исключительно велико. СССР вел войну в союзе с западными странами. Материальная помощь по ленд-лизу и солидарность международной общественности укрепляли у советских людей веру в справедливость войны, которую они вели, убеждали, что их жертвы и испытания высоко ценятся союзниками, утверждали гордость за вклад страны в общие усилия антигитлеровской коалиции и свою личную сопричастность великой борьбе. Позитивное содержание в этих настроениях формировалось медленно и противоречиво — под влиянием жесткого

противостояния довоенных лет, с одной стороны, и стремления к взаимопониманию, рожденному совместной борьбой против общего врага, — с другой.

Необходимость сближения потребовала взаимного преодоления сложившихся до войны искаженных представлений о союзных странах, их образе жизни, объективной информации о ходе военных действий на различных театрах войны. Большое значение в позитивном развитии этого процесса имели решение о роспуске Коминтерна (1943 г.), новый национальный гимн СССР (1944 г.), высокие оценки Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, другими западными политическими лидерами и военачальниками военных усилий СССР. Начальник штаба американской армии генерал Д. Маршалл в связи с 26-й годовщиной Красной Армии (1944 г.) прислал участникам собрания, состоявшегося в Нью-Йорке, телеграмму, в которой писал: «Празднование Дня Красной Армии в этом году происходит в условиях, когда немцы ведут катастрофическое отступление по всему Восточному фронту. Под могучими ударами русской армии противник скоро будет полностью изгнан с русской земли. Его самолеты, танки и пехота понесли поражение и непрерывно отступают. Его контратаки провалились. Уничтожение 10 его дивизий на Украине, знаменательные успехи советских войск в районе Ленинграда являются ярким свидетельством приближающегося триумфа русского оружия... Мы разделяем вашу гордость и восхищение её (Красной Армии. — *Авт.*) исключительными успехами, мужеством и выдержкой всех её солдат и русского народа, который принес такие большие жертвы, чтобы одержать великую историческую победу над самым могущественным и жестоким врагом в мире». Такие заявления, а их было достаточно много, отражали настроения значительных слоев населения США и Великобритании, но не той части влиятельных правительственных кругов, у которых с победами Красной Армии нарастала тревога за последствия неблагоприятного для западных союзников соотношения сил в послевоенном мире.

Стороны сотрудничали и в то же время не доверяли друг другу. В Национальном архиве США хранится протокол заседания Объединенного штаба от 20 августа 1943 г., на котором рассматривались перспективы политики США и Англии в отношении СССР. Заседание проходило с участием практически всех высших военных руководителей США — адмирала У. Леги, генералов Д. Маршалла, Г. Арнольда, адмирала Э. Кинга, и Великобритании — генерала А. Брука, адмирала Д. Паунда и главного маршала авиации Ч. Портала. Параграф девятый протокола «Военные соображения в отношении с Россией» указывает, что обсуждался вопрос о том, «не помогут ли немцы» вступлению англо-американских войск на территорию Германии, «чтобы дать отпор русским». В 1945 г. западные союзники начали разработку планов войны против СССР.

В то же время поддержка усилий советского народа в войне населением западных стран приобрела весьма широкие масштабы и с энтузиазмом встречалась в СССР. Это в первую очередь относится к массовым кампаниям в Великобритании за открытие второго фронта, увеличение выпуска военной продукции для Красной Армии. На этой основе получили развитие контакты советских профсоюзов с профсоюзами Великобритании и США.

Большинство советского народа поддерживало сближение с западными союзниками, с доверием относилось к заявлениям как своих, так и западных лидеров. В той или иной степени рост симпатий и доброжелательного отношения к СССР был характерен для всех союзных и оккупированных стран, что убеждало советских людей в международной поддержке их борьбы за правое дело и её значения для судеб человечества.

«Все для фронта. Все для победы!»

Фундамент успеха СССР в экономическом противоборстве с Германией был заложен еще в 1920–1930-е годы. До войны были построены тысячи предприятий, созданы новые отрасли промышленности и научно-технические центры. В 1940 г. удельный вес Советского Союза в мировом промышленном производстве достиг 10%. По производству электроэнергии, добыче нефти и проката он занимал тогда 2–4 место в мире. В его хозяйстве было занято 63 млн. человек, в том числе 34 млн. рабочих и служащих. Промышленность была относительно независима от внешних поставок сырья, так как по запасам его основных видов страна занимала одно из ведущих мест в мире. Большинство заводов и фабрик, ставших флагманами советской индустрии, были построены за 5–6 лет до начала Второй мировой войны и не уступали аналогичным предприятиям западных держав.

В кризисные предвоенные годы СССР постоянно увеличивал расходы на армию и военное производство. Доля этих расходов в бюджете страны в 1940 г. превышала 30%. По выпуску вооружения для сухопутных и военно-воздушных сил Советский Союз занимал лидирующее место в мире. Однако с внедрением в производство новых видов оружия и боевой техники дело обстояло неблагоприятно. Медленно росло производство пистолетов-пулеметов (автоматов), средств противовоздушной обороны, танков Т-34 и КВ для сухопутных войск, новых истребителей и штурмовиков для ВВС.

Существенный недостаток военной экономики заключался в том, что ее основные производственные мощности размещались в Европейской части СССР, в то время как разрыванию промышленной базы на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке уделялось мало внимания, где выпускалось только 20% промышленной продукции. Из-за неудачного хода первых оборонительных операций летом 1941 г. 80% общего количества предприятий военной

промышленности СССР оказались в зоне боевых действий и прифронтовых районов. Экономический потенциал страны оказался отброшенным к начальным этапам индустриализации. Без восполнения потерь продолжение войны было невозможным. Страна превратилась в единый военный лагерь: «Все для фронта, все для победы!». Руководящую функцию по переводу всей экономики страны на военные рельсы взял на себя созданный 30 июня 1941 г. высший чрезвычайный орган государственной власти — Государственный Комитет Обороны. Под жестким руководством ГКО были осуществлены мероприятия, которые позволили преодолеть тяжелые последствия начала войны, наладить выпуск необходимых видов оружия, боеприпасов и боевой техники.

Одним из первых решений, не предусмотренных предвоенными планами, явилась перебазировка на восток из западных и центральных районов страны предприятий и других материальных ценностей. До конца 1941 г. было эвакуировано в общей сложности свыше 2500 крупных предприятий. В 1942 г. более 1900 из них начали выпускать продукцию. Американский публицист С. Сульцбергер, находившийся в то время в СССР, летом 1942 г. писал: «Легендарным стал перевод промышленных предприятий из западной части СССР на восток. Теперь десятки сибирских заводов выпускают станки, запчасти, танки, противотанковые ружья, тягачи, самолеты, снаряды, орудия, винтовки, пулеметы, боеприпасы, ручные гранаты, минометы, артиллерию, дизельные моторы, карбюраторы, перерабатывают медную и железную руду, нефть. На юго-востоке действуют новые текстильные предприятия... Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на восток — одна из величайших саг истории».

Тыловые районы России были превращены в основную базу военно-экономического потенциала СССР. Всего за годы войны в восточных районах страны было построено и введено в строй 3500 крупных промышленных предприятий.

Перестройка советской экономики на военный лад была завершена в течение одного года. Ее главной целью стало достижение решающего военно-технического превосходства над противником, несмотря на то что в большинстве отраслей промышленности СССР уступал Германии вместе с работавшими на нее союзными и оккупированными странами в 2,5–4 раза. В конечном итоге СССР вдвое опередил Германию по производству основных видов вооружения. В расчете на тысячу тонн стали СССР производил в 5 раз больше танков и артиллерийских орудий, а на тысячу металлорежущих станков — в 8 раз больше самолетов, чем Германия.

Успехи советской военной экономики были достигнуты ценой мобилизации максимума людских и материальных ресурсов страны. В конце июня 1941 г. были введены обязательные сверхурочные работы продолжительностью до трех часов, отменялись

отпуска. В декабре 1941 г. на военных предприятиях все работающие были объявлены мобилизованными, самовольный уход с предприятий приравнен к дезертирству в армии. Нормы военной дисциплины были введены на транспорте.

Дефицит трудовых ресурсов не уменьшался и в феврале 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и в строительстве». Мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа неработающих в государственных учреждениях и на предприятиях. Затем действие этого указа было распространено на колхозы и совхозы. С мая 1942 г. стали принимать на производственное обучение подростков, достигших 14-летнего возраста, установив для них шестичасовой рабочий день. Положение удалось выправить за счет создания ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) в восточных районах страны. За 1941–1945 гг. их окончили почти 2,5 млн. молодых рабочих. Больше внимание уделялось обучению кадров без отрыва от производства. Всего подготовили 14 млн. человек; 9,2 млн. повысили производственную квалификацию.

Жесткие меры достигли результатов прежде всего потому, что подавляющее большинство советских людей понимало их необходимость, сознавало, что от их трудовых усилий зависит судьба страны. Огромное значение имел трудовой энтузиазм. В июле 1941 г. молодой московский токарь Федор Букин выступил с инициативой работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт, т. е. ежедневно выполнять две нормы (200%) выработки продукции. Его почин был подхвачен другими рабочими. Так возникло массовое движение «двухсотников». В Москве к октябрю 1941 г. «двухсотниками» стали 15 тыс. комсомольцев. Вскоре стали известны «трехсотники», «четырёхсотники», а с февраля 1942 г. — даже «тысячники», т. е. те, кто перевыполнял установленные нормы выработки в 10 раз. Это патриотическое движение, зародившись в военной промышленности, охватило постепенно все отрасли хозяйства.

Патриотизм тружеников тыла ярко проявился в соревновании коллективов молодых рабочих и работниц комсомольско-молодежных бригад за звание «фронтовых бригад». Это движение зародилось осенью 1941 г. по инициативе бригады М. Ф. Попова (Уралмашзавод). Впоследствии Попов вспоминал: «В те суровые дни каждый чувствовал себя бойцом. Инструмент, который мы держали в руках, стал для нас оружием, и с ним мы каждый день выходили на передний край».

Звание «фронтовых бригад» присваивалось тем комсомольско-молодежным бригадам, которые в течение двух месяцев выполняли план не менее чем на 150%, а в текстильной, угольной и некоторых других отраслях промышленности — на 110–115% при хорошем качестве продукции, экономии мате-

риалов и электроэнергии, повышении квалификации и обучении новичков. В 1943 г. звание «фронтовых бригад» имели 17,2 тыс., в начале 1944 г. — 31,4 тыс., к концу 1944 — 52 тыс. коллективов. В середине 1945 г. в стране насчитывалось 152 тыс. комсомольско-молодежных бригад, объединивших более миллиона юношей и девушек.

С патриотической инициативой выступила москвичка бригадир «фронтовой бригады» Первого подшипникового завода Е. Барышникова, призвав с меньшим количеством рабочих дать больше продукции для фронта. Ее бригада сумела в несколько раз увеличить выпуск продукции, вдвое сократив свой состав. Призыв Барышниковой нашел широкий отклик. В декабре 1943 г. из 4620 бригад было высвобождено 17 802 рабочих, в конце 1944 г. — 74 тыс.

Привлекла внимание инициатива бригадира фронтовой бригады сварщиков бронекорпусов Е. Агаркова (Уралмашзавод), предложившего в 1944 г. объединить бригады сварщиков и слесарей при монтаже танковых башен. Пример оказался удачным, и с конца 1944 г. началось укрупнение бригад, участков, цехов, в результате чего удалось высвободить свыше 48 тыс. инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, многие из которых приняли участие в восстановлении промышленных предприятий в освобожденных от захватчиков районах страны.

Весной 1942 г. возникло Всесоюзное социалистическое соревнование. Его инициаторами были рабочие и служащие Кузнецкого металлургического комбината и ряда других предприятий. Для победителей соцсоревнования как между различными отраслями хозяйства, так и внутри отдельных отраслей были учреждены переходящие Красные знамена ЦК ВКП(б), ГКО, ВЦСПС и промышленных наркоматов. Итоги подводились ежемесячно. Число его участников росло. В 1943 г. в соцсоревновании приняли участие 77,6% работающих, а в 1945 г. — 84,2%, из них 58% были передовиками производства. Получить почетное звание победителя в соревновании было престижно, приносило моральное удовлетворение и награды денежными премиями, продуктами питания, товарами широкого потребления и т. д.

На трудовом фронте самоотверженность проявляли представители всех возрастных групп населения, мужчины и женщины, рядовые рабочие, колхозники и руководители высокого ранга. Подростки в возрасте 14–17 лет нередко сутками не покидали территорию предприятий. К концу войны в промышленности, строительстве и на транспорте они составляли 10,5% общего числа работающих.

Наибольший вклад в обеспечение фронта внесли женщины. Заменяв ушедших на фронт сыновей, мужей, отцов, они заняли ведущее положение в экономике. В 1945 г. женщины составляли 59% рабочих и служащих. Им нередко приходилось выполнять работу, считавшуюся традиционно мужской. Они работали электросварщиками, токарями, кузнеца-

ми, электромонтерами, машинистами компрессоров и паровых машин, трактористами, комбайнерами, на лесоповале, на расчистке от снега железнодорожных путей и т. д. В сельском хозяйстве женщины составляли более 70% рабочей силы.

Самоотверженно в годы войны трудились советские ученые. Уже 23 июля 1941 г. Президиум Академии наук СССР принял решение перенацелить усилия научных работников на выполнение задач по укреплению военной мощи страны. Ученые оказывали оперативную помощь предприятиям в освоении новых видов продукции, совершенствовании технологических процессов. Они внесли незаменимый вклад в поиск и освоение новых месторождений полезных ископаемых, подготовку высококвалифицированных кадров, в создание новых образцов вооружения и т. д. Вместе с тем они не прерывали фундаментальных исследований. С лета 1943 г. в АН СССР под руководством академика И. Курчатова возобновились исследования в области ядерной физики.

Работу, направленную на повышение военной мощи страны, выполняли и те ученые, которые были репрессированы. Создавались особые конструкторские бюро (ОКБ) под надзором НКВД. В народе их называли «шарашками». Одной из них руководил легендарный авиаконструктор А. Туполев, который со своими помощниками из числа заключенных сконструировал фронтовой бомбардировщик Ту-2 и в 1941 г. был освобожден из тюрьмы.

Народ жил трудно, зачастую впроголодь. Нормы снабжения были дифференцированы по социально-производственному признаку. Преимуществом пользовались рабочие и служащие предприятий оборонной и химической промышленности, строители, транспортники и занятые в других, наиболее трудоемких отраслях промышленности. По нормам снабжения население делилось на четыре группы: рабочие и приравненные к ним лица; служащие и приравненные к ним лица; незанятые в производстве граждане, иждивенцы; дети до 12 лет включительно.

Нормы снабжения хлебом по первой категории рабочих колебались от 800 до 1200 г в день; служащие получали 500 г, а иждивенцы и дети — 400 г. Чтобы поощрять передовиков, директора промышленных предприятий с 1942 г. наделялись правом устанавливать преимущества в снабжении рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки. Им полагалось дополнительное горячее питание, отпускались сверх установленной нормы овощи из подсобных хозяйств. К концу 1942 г. второе дополнительное горячее питание получали около 1 млн., а в начале 1945 г. до 6 млн. человек. Привилегиями в снабжении продовольствием наделялись руководящие работники партийного, государственного и хозяйственного аппарата. Так, в Москве по решению исполкома горсовета в ноябре 1941 г. были открыты по одной столовой в каждом районе для контингента не более 100 человек, питавшихся без карточек. В месяц на каждого питавшегося

в таких закрытых столовых чиновника выделялось 3 кг мяса, 2 кг колбасы, 1 кг ветчины, 1,5 кг свежей осетрины или севрюги, 0,5 кг кетовой икры, 1 кг сыра, 1 кг сливочного масла, 1,5 кг сахара, дополнительное количество хлеба, овощей, фруктов и т.д.

Нормы снабжения населения мясом, рыбой, жирами, сахаром, крупой, макаронами и т. д. также дифференцировались. Для детей в возрасте до года отпускарлось специальное питание из молочных кухонь. В яслях и детских садах дети получали повышенный рацион питания. На ребенка в яслях полагалось 900 г сахара в месяц при норме в 400 г по карточке, больше выделялось и мяса. В школах для детей были введены завтраки. Дополнительно на каждого школьника отпускарлось 50 г хлеба и 10 г сахара в день.

Карточки были введены на покупку и непродовольственных товаров. Во время войны их получали 60 млн. рабочих и служащих. Снабжение непродовольственными товарами сельского населения велось через потребительскую кооперацию, которая получала их от государства в ограниченном количестве и удовлетворяла спрос крестьянства в тканях, одежде и обуви лишь на 25%. Им приходилось заниматься домашним ткачеством, плести лапти, которые заменяли кожаную обувь, и т. д.

Проблема обеспечения питанием у подавляющей массы колхозников, не получавших карточек, стояла очень остро. В колхозах нередко после выполнения поставок государству зерна и овощей не оставалось из собранного урожая ничего, чем можно было бы оплатить труд крестьян. Личные же хозяйства были слишком мизерными и зачастую не позволяли обеспечить крестьянским семьям прожиточного минимума.

Сократилась торговля на колхозных рынках. Цены по сравнению с довоенным временем возросли в 13 раз. Получила развитие меновая торговля (бартер). Горожане выменивали у крестьян продовольствие на имевшиеся у них товары широкого потребления. Лишь к концу войны положение на колхозных рынках стало выправляться. Цены 1945 г. по сравнению с 1943 г. снизились в 2,3 раза.

Чтобы не допустить голода в городах, ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли решение с весны 1942 г. выделить заводам и фабрикам земли для развития подсобных хозяйств, а рабочим и служащим — под огороды. В подсобных хозяйствах стало производиться немалое количество картофеля, овощей, мяса, молока, что позволило многим предприятиям значительно улучшить продовольственное снабжение своих рабочих и служащих. Огородничество также основательно выручало эту категорию трудящихся. За 1942–1945 гг. огородники собрали более 26 млн. тонн картофеля и овощей.

С 1944 г. в городах стала развиваться государственная коммерческая торговля. В коммерческих магазинах без карточек можно было купить продукты питания и непродовольственные товары, но по ценам, во много раз превышавшим их действительную

стоимость. Государство предоставило такую возможность лицам наиболее высокооплачиваемой категории. Объем коммерческой торговли в рыночном обороте страны был незначительным — всего 9,6%.

Крайне тяжелая ситуация сложилась в обеспечении граждан жильем. В связи с массовой миграцией населения в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, особенно в те районы, где были сосредоточены предприятия тяжелой и военной промышленности, выявился острый недостаток жилья. Так, в городах Свердловской области на одного человека во время войны приходилось не более 2,5–3 кв. м. Еще хуже было положение с жильем в освобождаемых городах и селах, где захватчики, отступая, применяли тактику «выжженной земли». Число людей, совершенно оставшихся без крова, достигло в 1945 г. 25 млн. человек.

На востоке страны люди, выплавлявшие чугун и сталь, делавшие лучшие в мире танки, самолеты, артиллерийские системы, жили в землянках и холодных бараках без отопления, водопровода и канализации, бань, парикмахерских, при недостатке самых простых вещей — тумбочек, вешалок, кроватей, постельного белья, одеял и т. д. В общественных столовых зачастую не было ни ложек, ни вилок, ни чашек.

Неудовлетворительные жилищные и санитарные условия, плохая одежда, плохое питание, изнурительный труд — все это создавало благоприятную обстановку для распространения болезней. Вследствие этого зимой 1941/42 г. повысилась смертность населения. Учитывая надвигающуюся опасность распространения инфекционных заболеваний, ГКО 2 февраля 1942 г. принял постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». В работу по профилактике (прививки, медицинские осмотры) включились медицинские работники независимо от их специализации. Благодаря этой и другим мерам снизилась заболеваемость людей, была предотвращена вероятность эпидемий инфекционных заболеваний на весь военный и послевоенный период.

В годы лихолетья общее горе и жизненные невзгоды объединили людей, сделали их терпимее друг к другу. Коллективизм, доброжелательность проявлялись ими повсюду — и на заводах, и на стройках, и на полевых работах, и дома, в коммунальных квартирах, бараках и землянках, в оказании помощи эвакуированным и их детям, многодетным матерям, в заботе об оставшихся сиротами. Многие семьи в тыловых районах брали на воспитание детей, потерявших родителей. Всей стране стал известен ташкентский кузнец Шаахмед Шамахудов и его жена Бахри, принявших в семью 14 детей различных национальностей.

Высокую оценку достижениям советской экономики в годы войны дают зарубежные исследователи. Известный французский историк А. Мишель в своей двухтомной книге «Вторая мировая война» делает вывод, что в ходе войны «Магнитогорск по-

бедил Рур», подчеркивая тем самым преимущества советской экономики перед германской. «Немцы, — пишет он, — были разбиты противником, который, конечно, превосходил вермахт не только по количеству людских ресурсов, но по количеству и качеству вооружения. Они потерпели поражения от советской экономики, способной производить, несмотря на потерю наиболее богатых территорий СССР, больше вооружения, чем германская экономика... Немцы имели перед собой массы людей, обладающих большим воодушевлением и боеспособностью, источником которых была любовь к своей земле и преданность определенной политической системе».

И не только это. Народ России всегда, независимо от государственного строя, всеми силами отстаивал свою Родину от иноземных захватчиков. Здесь сказывался и идеологический фактор. Россия воевала не только (и не столько) против чужеземцев, сколько против иноверцев, кто спокон веков был врагом, идущим на православную Русь. Турки (татаро-монголы) — мусульмане, поляки или французы — католики, шведы — лютеране и т. п. И какие бы блага ни сулили захватчики, народы России, прежде всего русские, стеной вставали на защиту своей страны, своего образа жизни.

А. С. Пушкин, описывая нашествие Наполеона, говорит об «остервенении народа», поднявшегося против иноземных завоевателей. Л. Н. Толстой пишет о «дубине народной войны» в 1812 г.

И в преддверии Великой Отечественной войны Сталин отвернулся от не оправдавшей себя идеи «мировой революции», пропагандировавшейся Коминтерном, в пользу идеи национальных интересов страны именно потому, что хорошо понимал народ, которым волей судьбы он руководил: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет» (1938), «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим» (1939).

За линией фронта

За время Великой Отечественной войны противник захватил до 10% территории Советского Союза в его довоенных границах. Вся Украина, Белоруссия, Молдавия, республики Прибалтики, многие области Российской Федерации оказались под пятой оккупантов. Это были наиболее развитые и густонаселенные районы, где до войны производилось более половины промышленной и сельскохозяйственной продукции, проживало примерно 45% населения страны. В результате наступательных операций немецких войск 1941–1942 гг. на оккупированной территории оставалось около 55 млн. человек, остальные переселились на восток.

Перед оставшимися на оккупированной территории встала дилемма: или склонить голову и стать рабами немецких господ, или вести против оккупантов борьбу в надежде на освобождение Красной Армией. Открытое выступление против оккупантов большинства населения было невозможно по той простой при-

чине, что оно было безоружно, состояло преимущественно из женщин, детей и пожилых мужчин. Чтобы выжить, им нужны были средства к существованию. Поэтому к середине 1942 г. оккупантам удалось заставить работать на себя под их надзором примерно 22 млн. человек, из которых 20,8 млн. были крестьянами. В подавляющем большинстве они испытывали ненависть к иноземным поработителям не меньшую, чем другие советские люди, которые сражались на фронте или работали в советском тылу.

Среди населения было и немало коллаборационистов, на которых опиралась власть оккупантов, используя их в качестве служащих городских и районных управ, бургомистров, старост в деревнях и их помощников. Из местного населения формировалась вспомогательная полиция и вспомогательные военные части, ищейки, провокаторы. Большинство населения их презирало и относилось к ним как к врагам Родины.

Германское руководство перед нападением на СССР считало, что ему удастся запугать и подчинить население оккупированных областей путем уничтожения его наиболее активной политической части — коммунистов, комсомольцев, членов местных Советов и т. д. С этой целью были созданы карательные части, так называемые айнзатцгруппы, обозначенные буквами латинского алфавита А, В, С, D, каждая из которых состояла из 500–800 убийц. Встретить какое-либо серьезное сопротивление в тылу своих войск командование вермахта не предполагало. Действительность оказалась иной. Через неделю после начала операции «Барбаросса», 1 июля 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... Одних охранных дивизий совершенно недостаточно. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии».

Первые попытки сопротивления явились естественной реакцией людей на вторжение вермахта на советскую землю. Совместно с местным населением против захватчиков выступали солдаты и офицеры Красной Армии, которые в силу различных обстоятельств оказались при отступлении на занятой противником территории. Немецкое командование рассчитывало подавить сопротивление усилением террора. Начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель издал 16 сентября 1941 г. приказ, согласно которому за покушение на жизнь одного немца предписывалось брать в заложники и уничтожать способом, усиливающим «устрашающее воздействие» от 50 до 100 мужчин и женщин из числа местных жителей. В приказе говорилось: «С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд».

Поднимали людей на борьбу не только политические убеждения. Большинство боролось за освобождение Родины, против нацистского «нового порядка», многие стремились защитить или отомстить за своих родных и близких или облегчить борьбу сыновей, ушедших в Красную Армию, и т. д. Побудительные мотивы были различны, но все отстаивали честь и достоинство страны.

Некоторые историки считают, что возникновение и усиление сопротивления оккупантам было лишь ответом на жестокое обращение с местным населением, что, мол, у него не было другого выбора, как идти к партизанам. Они не учитывают, что оккупанты проводили политику «кнута и пряника», скрывали свои планы превращения СССР в колонию третьего рейха и массового уничтожения его населения, вели пропаганду о том, что Германия якобы ведет войну во имя неких «освободительных целей». То, что население вопреки усилению террора не оставалось в стороне от борьбы и сознательно рисковало жизнью, свидетельствует о его неодолимом стремлении к свободе и вере в победу правого дела. Широкомасштабная народная война развернулась не сразу. Первые месяцы были лишь начальным этапом сопротивления оккупантам.

В СССР к 1941 г. не было ни заблаговременно разработанной концепции партизанской борьбы, ни подготовленных к ее ведению кадров. Дело в том, что со второй половины 30-х годов в советском руководстве немалое влияние оказывала установка, согласно которой в случае агрессии враг должен быть разбит на его собственной территории. Многие военачальники, уделявшие внимание взаимодействию регулярных войск с партизанами, были в 1930-е годы репрессированы.

29 июня 1941 г. в директиве Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям передовых областей содержалось указание о развертывании подпольного и партизанского движения. 18 июля вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу немецких войск». Постановление осуждало тех руководителей партийных и советских организаций, которые бросали свои посты, бежали в тыл, и требовало незамедлительно приступить к формированию партизанских отрядов и диверсионных групп из числа преданных советской власти коммунистов и беспартийных.

3 июля 1941 г. из речи Сталина, прозвучавшей по радио, стали известны призывы партии и правительства к развертыванию партизанского движения.

Однако ни в секретных директивах, ни в речи Сталина еще не затрагивались вопросы практической организации партизанского движения, обеспечения борьбы в тылу противника вооружением, средствами связи, взаимодействия партизанских отрядов и подполья с Красной Армией. Партизаны действовали на этом этапе чаще всего самостоятельно, сообразуясь с обстановкой. Среди организаторов

первых партизанских отрядов были в Белоруссии — Г. Бумажков, В. Корж; на Украине — И. Боровик, С. Ковпак; в Карелии — П. Столяренко, В. Тиден и многие другие. Отряды возникали стихийно и укреплялись благодаря поддержке местного населения. Только в результате этой поддержки борьба против опытного, хорошо вооруженного врага за сравнительно короткий срок из отдельных очагов сопротивления приобрела характер массового народного движения.

В июле 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, Главное политическое управление РККА обязали военные советы и политические управления фронтов оказывать всемерную поддержку республиканским и областным комитетам партии в создании, вооружении и обучении партизанских отрядов и диверсионных групп, а также в переводе их за линию фронта в тыл противника и установлении с ними связи. К этой работе были привлечены органы внутренних дел и государственной безопасности. Большую роль в организации и становлении партизанских отрядов сыграли также советские военнослужащие, попавшие в окружение, но избежавшие плена или бежавшие из него. Среди партизан Ленинградской области в 1941 г. их численность составляла 18%, в Орловской области — 10%, в Литовской ССР — 22%, в Белоруссии — более 10%. Они приносили в партизанские отряды дисциплину, знание оружия и боевой техники. Опираясь на их боевой опыт, партизаны более уверенно решали свои задачи. К концу 1941 г. на оккупированной врагом территории удалось закрепиться и развернуть борьбу почти 5500 партизанским отрядам и группам, насчитывавшим около 90 тыс. человек.

Партизаны наносили противнику все более чувствительные удары. Со времени Московской битвы они начали взаимодействовать с регулярными войсками Красной Армии. Во время контрнаступления под Москвой партизаны дезорганизовали снабжение немецкой группы армий «Центр», разрушив в ее тылу участки железных дорог, мостов, устраивая завалы и засады на шоссе и грунтовых дорогах. Командующий группой армий фельдмаршал Ф. Бок видел в их деятельности одну из причин поражения немецких войск. В своем дневнике 7 декабря 1941 г. он отметил: «Русские, разрушив почти все сооружения на главных магистралях, сумели так увеличить наши транспортные трудности, что фронту не хватает самого необходимого для существования и боев... Сегодня у нас нет никакой возможности для значительного маневра».

В январе–феврале 1942 г. партизаны Смоленской области освободили в тылу группы армий «Центр» 40 сел и деревень, где сразу же десантировались советские воздушно-десантные войска. Они отбили у противника Дорогобуж и объединились с соединениями Красной Армии, совершавшими рейды в тылу немецких войск. В ходе этих боев была освобождена

территория около 10 тыс. кв. км. Немецкое командование было вынуждено бросить на борьбу с партизанами семь дивизий.

30 мая 1942 г. состоялось решение Государственного Комитета Обороны о создании Центрального штаба партизанского движения. Начальником ЦШПД был назначен первый секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии П. Пономаренко. Одновременно при военных советах фронтов были созданы штабы по руководству партизанским движением: Карело-Финский, Ленинградский, Калининский, Западный, Брянский, Украинский. В результате этих мер существенно улучшилась организация борьбы в тылу врага, обеспечение партизанских отрядов средствами связи, боеприпасами, взрывчаткой. Повысились размах и эффективность боевых действий.

С лета 1942 г. задача борьбы с партизанами была поставлена перед главным командованием сухопутных войск Германии. Для этого использовалось до 10% немецких дивизий, находившихся на советско-германском фронте. В 1943 г. против партизан действовало 25 армейских дивизий, а также немало специальных и полицейских формирований, в том числе состоявших из перешедших на службу врагу перебежчиков. Эти «добровольцы» с приближением конца третьего рейха, пытаясь загладить вину перед Родиной, нередко целыми частями с оружием переходили на сторону партизан.

Несмотря на потери, численность партизан постоянно росла. К концу 1942 г. в тылу врага действовало 1770 партизанских отрядов и бригад, в которых насчитывалось 125 тыс. человек. В 1943 г. начался бурный рост партизанских сил. К концу этого года они увеличились вдвое, достигнув 250 тыс. человек.

Деятельность партизан имела широкий спектр. Они нарушали коммуникации противника, совершали боевые рейды в его глубокий тыл, обеспечивали командование Красной Армии важными разведывательными сведениями, которые способствовали успеху наступательных операций, и т. д.

Наиболее крупной в 1943 г. была проведенная партизанами операция «Рельсовая война», которая явилась составной частью битвы под Курском. Центральный штаб партизанского движения привлек к участию в этой операции более 160 партизанских бригад и отдельных отрядов (около 100 тыс. человек). За первую ночь операции (14 июля 1943 г.) было взорвано 42 тыс. рельсов. Всего в ходе операции было взорвано 215 тыс. рельсов. Только в Белоруссии партизаны пустили под откос 836 эшелонов и 3 бронепоезда. Некоторые железнодорожные магистрали были выведены из строя на длительный срок, что создало серьезные препятствия для отступавших немецких войск.

Свидетельством силы и размаха народной войны были партизанские края — большие территории, отвоеванные у оккупантов и долгое время удерживаемые партизанами. Первый партизанский край возник в октябре 1942 г. в Ленинградской области. На его

территории в 11 тыс. кв. км находилось 400 деревень. Затем партизанские края возникли в Калининской, Смоленской, Орловской, Курской областях, в Белоруссии, на севере Украины, в Крыму и т. д. Летом 1943 г. партизаны стали полными хозяевами шестой части всей оккупированной территории. Здесь трудились в интересах победы над врагом и жили по советским законам, по неполным данным, около 4 млн. граждан, работали восстановленные органы советской власти. Отсюда переправлялись через линию фронта на Большую землю призывники для службы в Красной Армии, подростки — для обучения в ремесленных училищах, дети-сироты — в детские дома. Эти края ограничивали полосы отхода врага, затрудняли маневр и перегруппировку его войск, размещение резервов, баз снабжения, командных пунктов.

Партизаны немало сделали, чтобы воспрепятствовать массовому угону советских людей оккупантами на принудительные работы в Германию. В конце 1943 — начале 1944 г. до 40% принудительно вывозимых оккупантами граждан освобождалось партизанами и наступавшей Красной Армией.

В годы войны во вражеском тылу действовало коммунистическое подполье и созданные под его руководством в городах и поселках боевые антифашистские, комсомольско-молодежные организации. Подпольщики распространяли среди населения газеты и листовки, которые получали с Большой земли или издавали своими силами. В них содержалась информация о положении на фронте и в советском тылу, разоблачался нацистский оккупационный режим и его пропаганда. Важной функцией подполья было обеспечение партизан разведывательной информацией, снабжение их медикаментами, оружием, боеприпасами. В сентябре 1943 г. подпольщики казнили заместителя Гитлера в Белоруссии гауляйтера В. Кубе, виновного в уничтожении многих тысяч советских граждан. С помощью подполья легендарный советский разведчик Н. Кузнецов ликвидировал заместителя рейхскомиссара Украины Г. Кнута и ряд других немецких военных преступников.

Важное место в деятельности подпольщиков занимала организация саботажа и диверсий на захваченных советских промышленных предприятиях. Эта форма борьбы активно развивалась благодаря участию в ней рабочих. В октябре 1941 г. начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Г. Оберлендер доносил в Берлин: «Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодоление которого мы имеем еще меньше шансов на успех». Промышленные гиганты, построенные до войны на Украине, так и не были введены в строй оккупантами, а шахты Донецкого бассейна бездействовали. Германское руководство так и не смогло использовать многие советские фабрики и заводы для обеспечения собственных военно-экономических нужд.

Массовый саботаж населением мероприятий оккупационных властей, действия вооруженных партизанских формирований и подпольных организаций — все это превратило оккупированную территорию в арену ожесточенной битвы с захватчиками.

Народная борьба в тылу немецких войск — одна из ярких страниц Великой Отечественной войны. Она имела крупное военное, политическое и экономическое значение. Военное значение партизанского движения, народной борьбы в тылу врага заключалось в том, что оно являлось важным фактором в стратегических планах и расчетах советского Верховного Главнокомандования и принималось в расчет при разработке крупных наступательных операций. Партизанским соединениям ставились конкретные боевые задачи.

Потери противника в результате действий партизан и подпольщиков достигли 1 млн. человек. Партизаны пустили под откос более 20 тыс. эшелонов, подорвали 120 бронепоездов, вывели из строя почти 17 тыс. паровозов и 171 тыс. вагонов, взорвали 12 тыс. мостов на железнодорожных и шоссейных дорогах, уничтожили или захватили свыше 65 тыс. автомашин.

Общее число партизан достигло 2,8 млн. человек. Их поддерживало 220 тыс. подпольщиков, участвовавших в саботаже мероприятий оккупационных властей. Вместе с советскими партизанами на временно оккупированной территории СССР сражались тысячи иностранных граждан — поляков, словаков, чехов, венгров, болгар, испанцев, югославов и других. В то же время в европейском движении Сопротивления участвовали до 50 тыс. граждан СССР, оказавшихся за пределами своего Отечества.

Временно оккупированная территория СССР не стала для захватчиков обеспеченным и спокойным тылом. Их расчеты заставить советских людей безропотно работать на германский рейх не оправдались. Советское государство высоко оценило заслуги партизан и подпольщиков. За героизм и мужество более 300 тыс. партизан награждены орденами и медалями, 249 — присвоено звание Героя Советского Союза, а двое руководителей партизанского движения С. Ковпак и А. Федоров были удостоены этого высокого звания дважды. Имена их вошли в историю.

Плен. Коллаборационизм. Репатриация

Уже в первые дни войны сотни тысяч военнослужащих Красной Армии оказались в немецком плену. Из общего числа советских военнопленных за весь период войны — 4 млн. 59 тыс., на 1941 год приходится 2 млн., или 49%. Летом 1941 г. немцам удалось провести окружение ряда советских армий, чьи командующие не смогли вывести свои объединения на восток. Бойцы и командиры Красной Армии были полны решимости сражаться с врагом, бороться до последнего патрона, но обстановка на поле боя не оставила им возможности продолжать сопротивление. Многие советские солдаты и офицеры были захвачены в плен будучи тяжело ранеными и контуженными.

Главной причиной массового пленения советских солдат в начале войны явилась неподготовленность советского командования и всего личного состава Красной Армии к ведению стратегической обороны, отсутствие опыта в отражении внезапных массированных ударов противника. Части и соединения, в своем большинстве, дрались героически, но они, застигнутые врасплох, не могли изменить общего хода борьбы. По немецким данным, под Белостоком и Минском были взяты в плен 328 тыс. человек, под Смоленском — 310 тыс.; под Уманью — 103 тыс.; под Киевом — 665 тыс., под Вязьмой и Брянском — 663 тыс. Эти цифры еще требуют тщательной проверки, поскольку немцы включали в число военнопленных всех лиц мужского пола от 16 до 55 лет, которые оказывались в зоне боевых действий. К примеру, весь Юго-Западный фронт к началу обороны Киева имел в своем составе 667 тыс. человек. После его окружения в сентябре 1941 г. на восток вышло 150 тыс.; многие бойцы погибли при отступлении. Сведения о 665 тыс. плененных в «киевском котле» вызывают сомнения, но общей картины это не изменит.

Поражения советских войск в начальный период войны не носил необратимого характера. С прибытием на фронт новых соединений сопротивление Красной Армии становилось ожесточенней. Необходимо было время, чтобы переломить ситуацию, овладеть опытом ведения вооруженной борьбы как в обороне, так и в наступлении. Но сделать это было непросто. Даже после победы под Москвой, в 1942 г., новое германское наступление под Харьковом, операции против 2-й ударной армии и Крымского фронта привели к сдаче в немецкий плен 1339 тыс. военнослужащих Красной Армии.

Судьба советских военнопленных относится к наибольшим трагедиям войны. Уже к началу 1942 г. в немецких лагерях («шталагах» — для рядовых солдат и «офлагах» — для офицерского состава) погибло до половины советских военнопленных. Нацистское руководство в 1941–1942 гг. проводило целенаправленную политику по их уничтожению. Еще до нападения Германии на СССР, 30 марта 1941 г., было проведено совещание высших немецких офицеров, на котором Гитлер заявил, что предстоящая война будет войной мировоззрений. Комиссаров и партийных работников предусматривалось уничтожить на месте. 6 июня последовало официальное распоряжение главного командования вермахта, которое предписывало немедленно расстреливать «политических комиссаров» после захвата их в плен. Что касается остальных военнослужащих Красной Армии, то Гитлер на совещании в своей ставке 16 июля 1941 г. призывал не рассматривать их как «солдат-фронтвиков» и добиваться полного и беспощадного уничтожения всех военнопленных. Многие германские полевые командиры издавали свои распоряжения по ведению войны на Востоке. В частности, командующий 4-й танковой группой Г. Гепнер подписал

2 мая 1941 г. приказ, в котором говорилось, что перед немецкими солдатами стоит задача «превратить в руины сегодняшнюю Россию», что война «должна вестись с неслыханной жестокостью» и необходимо полное уничтожение противника.

Указания германского командования исполнялись на фронте в полном объеме. Еще на этапе конвоирования военнопленных в «дулаги» (транзитные лагеря) немецкие охранники достреливали тысячи раненых и выбившихся из сил. Тем же военнопленным, которым все-таки удавалось добраться до лагерей, вскоре становилось очевидным, что шансов выжить у них было слишком мало. Как правило, лагерем называлось открытое поле, огороженное колючей проволокой, где загнанные в тесное пространство военнопленные находились под прицелом пулеметов. Самое страшное для них начиналось, когда давали о себе знать голод и болезни. 6 августа 1941 г. верховное командование вермахта подписало директиву о снабжении советских пленных продовольствием, которая предусматривала дневной рацион: 200 г хлеба, 13 г мяса, 15 г жиров. Но даже и эта мизерная норма, обрекающая людей на медленную смерть практически никогда не выдавалась. В лагерную «бланду» добавляли отжимки сахарной свеклы, целлюлозную муку, муку из соломы и листьев, что вызывало мучительные боли в желудке и частую гибель от отравлений.

Основной причиной смертности в лагерях в 1941–1942 гг. стали голод и эпидемии. Наиболее распространенными болезнями были тиф и туберкулез. Они косили военнопленных десятками тысяч. Квалифицированная медицинская помощь им не оказывалась. Следить за ними могли лишь заключенные советские врачи, однако в их распоряжении не было лекарственных средств. Все что они могли сделать — это лишь на время облегчить участь уже обреченных. Как правило, после возникновения в лагере какой-либо эпидемии, немцы запирали в нем все ходы и выходы и осуществляли лишь внешнюю охрану прилегающей территории. Военнопленные, таким образом, бросались на произвол судьбы. Согласно германскому отчету о положении советских заключенных, в минском лагере для военнопленных и гражданских лиц от 10 июля 1941 г., более 140 тыс. человек содержалось в нем на площади приблизительно пятьдесят тысяч квадратных метров. Заключенные могли только стоять и здесь же на месте отправлять естественные надобности. Возникновение эпидемий в этой ситуации было практически неизбежным. За все время войны в плену погибло до 2 млн. советских военнопленных, десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии были умерщвлены в концлагерях за участие в движении Сопротивления.

8 сентября 1941 г. германское верховное командование издало еще одно распоряжение об обращении с советскими военнопленными. В нем указывалось, что немецким солдатам «самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем

более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих... Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия...»

В 1942 г. гитлеровская машина уничтожения несколько замедлила свои обороты. Дело в том, что после поражения под Москвой германская экономика стала испытывать острую нехватку рабочих рук. Многие немецкие мужчины были призваны на фронт. Заменить их намечалось гражданами других национальностей, а также военнопленными и гражданскими лицами, угнанными из оккупированных вермахтом областей. Программа военного производства, ответственными за которую были Г. Геринг, министр вооружения А. Шпеер, уполномоченный по использованию рабочей силы Ф. Заукель, предусматривала использование на производстве миллионов советских людей. Заинтересованным в поставке военнопленных на заводы Германии являлся и руководитель СС Г. Гиммлер, получавший огромные денежные гонорары от немецких промышленников.

Советские военнопленные, в отличие от граждан других стран (французов, англичан, бельгийцев и других), направлялись на самые тяжелые работы в горнорудной, химической и строительной промышленности. Условия их труда были ужасающими. Рабочий день продолжался 11–12 часов, размещение и питание были порой такими же, как в лагерях. Нацисты использовали труд военнопленных и в военном производстве, хотя это противоречило статьям Гаагской (1899, 1907 гг.) и Женевской (1929 г.) конвенций.

Следует отметить, что Советское правительство в самом начале войны объявило о своем намерении соблюдать Гаагскую конвенцию. Что же касается Женевской конвенции, то, хотя СССР и не поставил под ней свою подпись, все ее требования выполнялись. 1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров утвердил «Положение о военнопленных» противника, которым гарантировалась жизнь и безопасность, а раненым и больным медицинская помощь. Жестокое обращение в отношении пленных солдат врага запрещалось. Этот документ на протяжении всей войны соблюдался, а его отдельные нарушения преследовались в уголовном порядке. Известно, что после войны из Советского Союза в Германию возвратилось 1,9 млн. немецких военнопленных; 450 тыс. бывших солдат и офицеров вермахта умерло в советских лагерях. Основная причина их смерти — различные инфекции. Многие солдаты попадали в плен уже будучи обреченными. Так было зимой 1943 г. под Сталинградом. Запрет Гитлера на капитуляцию армии Паулюса обошелся Германии порядка 90 тыс. немецких военнопленных, умерших еще на пути в стационарные лагеря от крайнего истощения и обморожений во время окружения.

Жестокие репрессии ожидали советских военнопленных и на Родине, если они не сумели доказать, что оказались в плену будучи ранеными или при других исключительных обстоятельствах. Согласно приказу Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. каждая советская часть, оказавшаяся в окружении, обязана была «драться до последней возможности». Военнослужащим при попытке сдаться в плен предписывалось «уничтожать всеми средствами как наземными, так и воздушными», семьи сдавшихся в плен — лишать государственного пособия и помощи. 24 июня 1942 г. Государственный Комитет Обороны конкретизировал этот приказ своим постановлением. В соответствии с ним аресту и ссылке на срок до 5 лет подлежали отец, мать, жена, сыновья, дочери и сестры «изменников», если они вместе жили до начала войны. Однако на практике это постановление выполнялось довольно редко. Большинство военнослужащих, попавших в плен, числились в документах своих частей как «пропавшие без вести». Репрессивных мер к их родственникам не применялось.

Советские военнопленные прошли в немецких лагерях все круги ада. Часть из них, которые боролись против существовавшего в них эсэсовского режима или были уличены в связях с подпольным сопротивлением, направлялись в концентрационные лагеря — «фабрики смерти». Мир навсегда запомнил такие мрачные названия, как Освенцим, Дахау, Бухенвальд, Майданек, Трелинка, Маутхаузен и другие, где гитлеровские охранники осуществляли массовое уничтожение советских людей, а также граждан других национальностей, прежде всего евреев, славян и цыган, в газовых камерах. Миллионы жертв, отравленных газами, были затем сожжены в крематориях или закопаны в гигантских рвах. Этим преступлениям никогда не будет ни прощения, ни забвения.

Не желая мириться с нацистским адом, советские военнопленные в массовом порядке бежали из застенков. По неполным данным, за период с 1941 по 1944 г. из почти 4 тыс. лагерей на территории самой Германии и оккупированных вермахтом стран бежали около 450 тыс. советских военнопленных. Многие были схвачены охранниками, убиты, но тысячи добрались до своих войск. Побегов такого масштаба не знала ни одна армия в мире. Самым дерзким по праву считается захват пленным советским летчиком М. Девятаевым и девятью его товарищами немецкого самолета на аэродроме Свиномюнде в феврале 1945 г., на котором они и перелетели на советскую сторону.

С течением времени развертывалась подпольная борьба военнопленных в лагерях. Тысячи, а возможно, и десятки тысяч групп Сопротивления были организованы в невыносимых, казалось бы, условиях плена. Руководили ими стойкие борцы, бывшие командиры и политработники Красной Армии, которым удалось избежать расстрела в районе боевых действий. Совсем недавно в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации был най-

ден уникальный документ — Записка заместителю наркома обороны СССР Н. Булганину «О подпольной деятельности «Военно-политического центра» в концентрационном лагере Бухенвальд», которая была подготовлена в штабе 1-го Украинского фронта, по материалам опроса бывших узников и документам германской стороны. В ней, в частности, говорилось, что «всю борьбу с фашистским режимом в Бухенвальде возглавил конспиративный центр. Руководил им коммунист-ленинградец Николай по кличке Толстый. Конспиративный центр ставил перед собой следующие задачи: борьбу с тиранией эсэсовцев; политическое воспитание заключенных; создание в лагере боевой организации для вооруженного восстания; выявление и истребление провокаторов; спасение заключенных от голодной смерти и репрессий. Члены центра добывали сводки советского Совинформбюро и ночью зачитывали их своим товарищам. Оружие и боеприпасы помогали добывать заключенные, которые работали на военном заводе. Оружие по частям выносилось из цехов, а затем собирались в лагерных бараках. Особое внимание подпольщики уделяли контрпропаганде против вступления военнопленных во «власовские» части.

Известно, что часть советских военнопленных и гражданских лиц сотрудничала с германским вермахтом. Их стали называть «власовцами» по имени бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А. Власова, сдавшегося в плен в июле 1942 г. Однако подавляющее большинство сотрудничавших с противником (или коллаборационистов) отношения к Власову не имели и Русской освободительной армии (РОА), которую немцы создали при его участии, не подчинялись. Большинство так называемых добровольцев числились как обслуживающий персонал при частях вермахта, входили в подразделения по охране немецкого тыла, полицейские формирования и участвовали в карательных операциях против партизан в составе различных «восточных легионов». Лишь с 1943 г. некоторые добровольцы стали носить на рукаве шеврон «РОА» — знак принадлежности к армии бывшего советского генерала.

По мнению некоторых историков, общая численность советских коллаборационистов в годы войны была около 1 млн. человек. Необходимо правда отметить, что эта цифра требует проверки, поскольку к добровольцам зачастую причисляют и тех военнопленных, которых немцы использовали на хозяйственных или строительных работах.

Что же заставило часть советских людей вступить на путь сотрудничества с врагом? Современные исследователи выделяют, как правило, три причины: стремление как-то выжить в жестоких условиях оккупации или плена; неприятие советского строя; национальный сепаратизм. Думается, что в основе своей это объективный подход, но с существенной оговоркой: политический мотив сотрудничества никогда не являлся сколько-нибудь значительным. Непри-

миримыми врагами советской власти были прежде всего белоэмигранты, оказавшиеся в 1940-х годах на территории оккупированной германским вермахтом (П. Краснов, А. Шкуро, Каюм-хан и другие), а также часть репрессированных советской властью граждан. Однако число последних было небольшим.

На фронте, главным образом, воевала молодежь, воспитанная при советской власти; среди мобилизованных старших возрастов подавляющее большинство также доверяло правительству. Другое дело — влияние нацистской пропаганды. Советский боец, оказавшийся в немецком плену, кроме огромных физического напряжения, голода и холода испытывал на себе еще и колоссальное давление антисоветской пропаганды. Все вражеские листовки в 1941 г. наперебой твердили: с Советским Союзом уже покончено; все, кто еще сопротивляется, будет уничтожен; единственный путь спасения жизни — помогать Германии. Можно только удивляться, что в этой ситуации большинство военнопленных Красной Армии не поддавалось на угрозы и уговоры и предпочло мученическую смерть служению в стане врага. Но и тот, кто шел на сотрудничество с ним, часто делал это с одной единственной целью — при первой же возможности возвратиться к своим. Коллаборационизм отдельных представителей народов СССР никогда не достигал таких масштабов, как, например, во Франции, Бельгии или Голландии. Советский Союз избежал участи многих европейских стран, где в полную силу действовали так называемые «пятые колонны».

Несмотря на все это, было бы неправильным утверждать, что попытки создания такой «колонны» на территории СССР отсутствовали. Об этом свидетельствует деятельность некоторых националистических, в том числе мусульманских формирований — «Туркестанского комитета», «Волжско-татарского комитета», «Крымского центра», «Северо-кавказского штаба» и других. Все они находились под пристальным вниманием нацистских спецслужб, одним из направлений деятельности которых было содействие расколу Советского Союза и внедрение национальной розни и нетерпимости. Эти «комитеты» и «штабы» активно помогали немецким властям создавать в оккупированных районах различные воинские формирования. Как правило, людей загоняли туда обманом, используя ложь о том, что во всех их бедах виновно московское руководство, «задавившее культуру, искусство и религию национальных меньшинств». Довольно скоро они убеждались, что их затянули в самые обыкновенные бандформирования, возглавляемые немецкими офицерами.

Наиболее распространенной формой сотрудничества части советских военнопленных и гражданских лиц с противником в 1941 г. было их присоединение к отдельным германским частям для выполнения различных вспомогательных работ. Сами немцы называли таких коллаборационистов *Hilfswillige*, или сокращенно — хиви. Дальше прифронтовой полосы

их не допускали. Как правило, хиви служили только в тыловых подразделениях вермахта в качестве возниц, шоферов, помощников поваров и т. п. К концу 1942 г. число их достигало 200 тыс. Осенью 1943 г. германской пехотной дивизии полагалось по штату до 2 тыс. хиви при общей численности соединения 12,7 тыс. человек.

Некоторые военнопленные и гражданские лица из оккупированных областей СССР вступали в полицейские команды и охранные части, предназначенные для борьбы с партизанами и несения караульной службы, другие — в формирования, созданные специально для ведения боевых действий против Красной Армии. Первоначально при комплектовании подразделений из бывших военнопленных предпочтение отдавалось лицам нерусской национальности. Создавались так называемые восточные легионы: туркестанский, азербайджанский, грузинский, армянский, северокавказский и другие. Их основу составляли батальоны численностью по 900 человек. Всего за войну было создано 90 таких батальонов и, кроме того, отдельный калмыцкий кавалерийский корпус, насчитывавший до 5 тыс. человек.

Впоследствии германское командование приступило к созданию в своем тылу боевых частей, набранных целиком из военнопленных славянских национальностей. На 5 мая 1943 г. на стороне вермахта действовало 90 так называемых русских батальонов. Помимо этих частей, в разное время на стороне противника действовали более крупные формирования: Русская национальная народная армия, Казачий стан генерала Т. Доманова, 15-й казачий кавкорпус генерала Г. Паннвица и другие. Все командные посты в «восточных легионах» и «русских» батальонах занимали только немецкие офицеры. В казачьих частях большой процент личного состава состоял из бывших белоэмигрантов.

Осенью 1941 г. немцы сформировали на территории Украины, Белоруссии, западных районов РСФСР несколько десятков подразделений для несения караульной службы в составе немецких охранных дивизий. Были созданы охранные сотни, батальоны и даже полки, набранные из белоруссов, украинцев, русских, представителей других национальностей. К маю 1943 г. от 60 до 70 тыс. человек служили во вспомогательной полиции военного управления, а в ведении администрации рейхскомиссариатов (оккупационных властей) имелось еще 300 тыс. человек различных славянских национальностей. Главное управление СС также располагало различными частями и командами, предназначенными для противопартизанской борьбы и диверсионных акций. В тылу немецких групп армий на Восточном фронте действовали «прибалтийские», «украинские», «русские» и другие части СС.

Необходимо отметить, что боеспособность большинства добровольческих формирований вермахта была крайне низкой. На фронте их практически не использовали и бросали только на борьбу с партизанами. Значительная часть «восточных легионов», а также

казаков использовались оккупационными властями Германии для подавления движения Сопротивления в различных странах Европы. Особенно активные боевые действия они вели в Югославии и Италии. Однако начиная с середины 1943 г. все больше коллаборационистов стали переходить на сторону партизан и бойцов Сопротивления. Весьма показателен, в этой связи боевой путь эсэсовской охранной бригады «Дружина», возглавлявшейся бывшим подполковником Красной Армии В. Гиль-Родионовым. Весной 1943 г. это соединение отказалось подчиняться германскому командованию. Совершив дерзкий налет на германский конвой, военнослужащие бригады освободили большую группу пленных партизан, после чего они ушли в леса и стали сражаться уже против своих бывших немецких «хозяев». Сам Гиль-Родионов, награжденный «железным крестом» рейха и орденом Красной Звезды после перехода на сторону Красной Армии, погиб в одном из боев с немцами в 1944 г.

В некоторых регионах Советского Союза сотрудничество советских граждан с противником приобрело специфический характер. Речь идет о националистических формированиях крымских татар, калмыков и некоторых народностей Северного Кавказа, воевавших на стороне вермахта. Дело в том, что в этих случаях коллаборационизм и пособничество врагу достигли наибольших масштабов и нанесли ощутимый вред действиям Красной Армии и партизан. Так, сразу после захвата большей части Крыма немецкими войсками на его территории стали создаваться крымско-татарские подразделения, предназначенные для боевых действий против советских войск и партизан. Там же было образовано местное «правительство», осуществлявшее управление в условиях немецкой оккупации. Германское командование не раз отмечало заслуги так называемого Крымского центра в борьбе против советской власти. Значительная часть руководства этого центра в мае 1944 г. была эвакуирована с полуострова вместе с немецкими войсками.

Непростой была ситуация и на Северном Кавказе, куда летом 1942 г. прорвались танковые и пехотные соединения германской армии. Факт, что поддержку вермахту в захвате некоторых территорий этого региона оказали бандформирования из представителей чеченской, ингушской, балкарской и некоторых других национальностей. Отряды бандитов нападали на тыловые обозы Красной Армии, грабили и убивали местное население, препятствовали перегруппировки советских частей. Руководителями националистов являлись, как правило, немецкие агенты, засланные в советский тыл для организации восстаний и диверсий. Уже после освобождения Северного Кавказа бандиты продолжали борьбу против регулярных частей Красной Армии и войск НКВД. Они организовывали засады, убивали местных партийных и хозяйственных руководителей, угоняли колхозный скот и т. п. Активность их

действий пошла на убыль лишь после 1944 г., когда советским руководством было принято решение о депортации (насильственном переселении) некоторых народностей Северного Кавказа, в том числе чеченцев, ингушей, балкарцев, наряду с калмыками и крымскими татарами, в отдаленные районы Советского Союза — на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Но репрессированы были не только бандиты и пособники врага. Пострадали многие безвинные люди — женщины, дети, старики. На сборы им давалось 24 часа. Переселенцы вынесли много бед и лишений. Справедливость к ним была восстановлена лишь после 1953 г.

К концу 1944 г. относится создание первых боевых частей Русской освободительной армии генерала А. Власова. В ноябре германское командование сформировало из советских военнопленных 1-ю дивизию РОА (в документах вермахта она числилась как 600-я пехотная дивизия). Ее командиром стал бывший командир стрелковой дивизии Красной Армии полковник С. Буняченко. Это соединение прибыло на восточный фронт лишь в марте 1945 г. В январе 1945 г. был подписан приказ о создании 2-й дивизии РОА (650-й дивизии вермахта), однако ее формирование так и не было завершено до конца войны. В состав войск генерала Власова входили также две авиационные эскадрильи, ряд учебных частей и тыловых подразделений. РОА считалась основой вооруженных сил так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР), созданного под покровительством немцев в ноябре 1944 г. Численность войск армии Власова не превышала 50 тыс. человек.

Части РОА дважды принимали участие в боевых действиях против регулярных войск Красной Армии. Первый раз — в феврале 1945 г. на плацдарме в районе Франкфурта-на-Одере, когда подразделение власовцев без каких-либо результатов атаковало оборону советской 230-й дивизии. 13 апреля Власов по распоряжению германского командования использовал уже более значительные силы 1-й дивизии против укрепленного района 33-й Советской Армии. За два с половиной часа боя добровольцы преодолели 500 м фронтовой полосы, но понесли большие потери (до 30% личного состава в атакующих подразделениях). Не имея огневой поддержки со стороны немцев, командование 1-й дивизии «РОА» отдало приказ возвратиться на исходные позиции. Через несколько дней началось решающее наступление Красной Армии на Берлин. Войска генерала Власова стали поспешно отходить в юго-западном направлении — в Чехословакию и Австрию, рассчитывая сдать в плен армии союзников.

Но большинству власовцев не удалось избежать возмездия за предательство. Часть личного состава РОА была пленена Красной Армией еще на пути следования в Австрию. Сам Власов был захвачен 12 мая 1945 г. в Чехословакии разведгруппой советского 25-го танкового корпуса. Бывшего генерала нашли в кабине легковой машины, спрятавшимся под

мешками с одеждой и провизией. Через некоторое время А. Власов вместе с другими руководителями Русской освободительной армии был предан суду военного трибунала и казнен.

Существует миф, что отступавшие части 1-й дивизии РОА Буняченко по пути следования в Австрию оказали активную поддержку пражскому восстанию против немецких оккупантов. Действительно же то, что после обращения восставших пражан по радио с просьбой о помощи власовцы, находившиеся тогда в пригородах столицы Чехословакии, без боя заняли ряд городских кварталов Праги. Тем самым командование РОА стремилось привлечь к себе внимание западных союзников. Отход власовских подразделений из чехословацкой столицы (к ней приближались войска 1-го Украинского фронта) проходил не столь мирно. Чехословацкие патриоты видели в РОА прямых пособников нацистов. Поэтому власовцам пришлось отбиваться от восставших, используя огневую поддержку немецких эсэсовских частей.

После окончания войны в Европе часть добровольческих формирований, участвовавших в войне на стороне вермахта, оказалась на территории, занятой войсками союзников. В западные районы Чехословакии и Австрии стекались казаки войска, «восточные легионы», охранные части, отступающие под натиском Красной Армии и англо-американских войск. Согласно ялтинским договоренностям СССР и его союзники обязались возвратить друг другу всех своих граждан, включая освобожденных военнопленных, перемещенных гражданских лиц, военнослужащих различных добровольческих формирований. Англо-американское командование не считало, однако, советскими гражданами тех лиц, которые не проживали в СССР до сентября 1939 г., т. е. жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. Значительная часть добровольцев сумела избежать репатриации и остаться на Западе. Всего «невозвращенцев» (включая как коллаборационистов, так и жителей западных областей СССР) насчитывалось не менее полумиллиона человек.

Отдельного внимания требует вопрос о репатриации советских военнопленных и гражданских лиц, угнанных немцами в годы войны на территорию Германии. Они заслуживали более человеческого отношения со стороны Управления по репатриации и спецорганов НКВД. Подозрения в сотрудничестве с врагом зачастую распространялись на невиновных людей. Военнопленным и репатриантам не доверяли, видя в них потенциальных противников советского строя, а возможно, и бывших коллаборационистов. Вместе с тем, документы российских архивов, открытые в последнее время, отнюдь не подтверждают свидетельства западных исследователей о том, что производились массовые экзекуции советских граждан сразу после передачи их союзниками советским властям.

В ходе войны и после ее окончания органами НКВД проводилась тщательная проверка всех освобожденных советских военнопленных с целью выявления лиц, сотрудничавших с противником. В конце 1941 г. для этой цели в прифронтовой полосе были сформированы армейские сборно-пересыльные пункты и спецлагеря. До 1944 г. проверку прошли 317 тыс. бывших военнопленных. Из них в действующую армию было возвращено до 70% от этого числа; аресту и отправке в штрафные роты и батальоны подверглись 19 тыс. человек (6%).

В начале 1945 г. началось массовое освобождение Красной Армией советских военнопленных и гражданских лиц. Значительная их часть проходила проверку в армейских сборных пунктах. Большинство мужчин затем сразу попадало на фронт. Западные союзники передали советским представителям из своей оккупационной зоны 2,3 млн человек, из которых 960 тыс. являлись бывшими военнопленными. Те, кто имел какое-либо отношение к службе в немецких частях, власовцы, полицейские и т. п. направлялись в спецлагеря НКВД, что фактически означало арест. Всего из 1,8 млн. бывших военнопленных Красной Армией, прошедших через проверку в военное и послевоенное время, к месту жительства было отправлено 277 тыс., в рабочие батальоны 344 тыс., арестовано и передано органам НКВД 283 тыс. За годы войны вторично в действующую армию было призвано 939 тыс. военнослужащих, числившиеся ранее как пропавшие без вести. В основном это были освобожденные из лагерей военнопленные. Лица, попавшие в рабочие батальоны, находились под строгим контролем НКВД, и даже после освобождения их права были ущемлены. В частности, они не имели права жить в Москве и Ленинграде, устроиться на хорошую работу или поступить в высшее учебное заведение, выехать за границу. К 1 марта 1946 г. в СССР было репатрировано 5,3 млн. человек, включая военнопленных и гражданских лиц.

Постановление ЦК КПСС и Совмина об устранении последствий нарушений законности в отношении бывших военнопленных (июнь 1956 г.) во многом не выполнялось. Конкретные меры по исправлению такой ситуации были приняты в начале 1990-х годов в результате работы Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.

Справедливость в отношении военнопленных и репатрированных восторжествовала в январе 1995 г., когда был подписан Указ Президента РФ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период». Они получили удостоверения участников Великой Отечественной войны и скромные льготы. Однако действие этого указа не распространяется на тех граждан, которые служили в годы войны в строевых и специальных формированиях вермахта, в полиции, на изменников Родины.